

будет успешна лишь если станет стороной утопической, ориентированной на более универсальное и дающее более широкий спектр возможностей будущее, в котором найдется место всем.

Симулируя Модерн: политика в пределах здравого смысла

Сущность любого общества заключена в том, что оно не говорит о себе. Либо в силу различных сакральных «табу», либо потому, что те или иные ценности и аксиомы считаются самоочевидными, выступая в качестве «высших принципов» практики. Здравый смысл в современной политике выступает именно такой технологией «о которой не говорят», позволяющей не дискутировать о самоочевидных «принципах» и одновременно *от их имени* легитимировать политическую практику, обслуживающую вполне земные интересы. Безусловно, любые общества так или иначе все же что-то «говорят о себе», но на основе неких принципов, в строго определенном тоне и с избеганием критики определенных тем и аксиом, то есть всего того, что далее мы будем называть областью «здравого смысла».

Существует исторически дозволенный и желательный «образ общества», он и используется для легитимации общественных практик. Здесь бремя любых доказательств, аргументов и опровержений автоматически возлагается как бы «дорефлексивным» здравым смыслом на его противников. Но то, что нуждается в доказательстве, уже шатко и сомнительно само по себе в сравнении с самоочевидностью здравого смысла как фатальных истин, не нуждающихся в доказательстве. Люди с ними смиряются либо нет, но от этого подобные истины не перестают быть единственно верными, неопровержимыми, неизбежными, независимыми от субъекта любых изменений.

Логика здравого смысла проста – принять все таким, как оно есть. Ибо все, что мы видим, мы видим одинаково и эта очевидность не имеет двойного дна: «*Нечто есть именно то, что оно есть*». Тавтологизация социального является самолегитимирующимся основанием любого политического порядка, способом редукции политики к коду «общепринятой морали» или консервативного права, претендующих на фиксирование «объективной реальности». Тождество означаемого и означающего приводит к тому, что политическая семиотика здравого смысла власти лишается коннотаций, а значит и возможности интерпретации значений.

Предполагается, что очевидность аксиом делает ненужной их рефлексию в силу излишней ясности. Но эта ясность ослепляет, уподобляя общество неизменной природе. По мысли П. Бурдьё: «Один из важнейших результатов согласования между практическим чувством и объективированным смыслом — формирование мира здравого смысла (*sens commun*), непосредственная очевидность которого удваивается *объективностью*, обеспечивающей консенсус в отношении смысла практик и мира... выражений сходства или тождественности»¹.

Здравый смысл – это условие языка и межиндивидуальной коммуникации, то есть условие возможности общества. Неизбежным следствием такого положения является то, что тавтологический язык здравого смысла призван легитимировать интерес политического гегемона. Соответственно отпадает необходимость в рефлексии над методами, фактами, интерпретациями реальности, поскольку предполагается, что существует изначальная и самоочевидная эквивалентность слов и вещей универсального языка здравого смысла или знания-власти. Его практические задачи заклю-

¹ Бурдьё П. Практический смысл. СПб., 2001. С. 112-113.

чаются в том, чтобы отождествлять здравый смысл и наличный властный порядок, таким образом «отбивая охоту» у оппозиционных политических сил заниматься критикой и рефлексией столь «естественного порядка вещей». Но общепринятое еще не значит общезначимое. Между тем в политике функция коммуникации здравого смысла часто подчиняет условия и цели этих коммуникаций.

Такое видение политики и общества отсылает к трансцендентальному консенсусу как условию любой политической коммуникации, поскольку здравый смысл есть средство обеспечения трансцендентального консенсуса общества относительно ключевых вопросов и условий его существования, которые и образуют содержание публичной политики. Поэтому предзаданный обществу здравый смысл отменяет политику. Это консенсус на условиях статус-кво, представленного в виде уже наличных «универсальных» институтов, практик, традиций, таблиц, классификаций, систем, структур и моделей, обобщаемых здравым смыслом. Соответственно все политические конфликты редуцируются к поиску уже существующей ячейки, правила или обычая, благодаря которым любые конфликты со статус-кво превращаются в «недоразумения и недопонимания», а последние «сами собой» рассасываются, как только найдется способ их включения в господствующий порядок. Но еще более эффективна стратегия исключения, когда «патологии» в виде социального эксперимента и требований любых социальных перемен не находится места в нормальной жизни, поскольку она противоречит истинам здравого смысла.

В области обществознания апология здравого смысла предполагает построение единственно правильных концепций, имеющих доступ к объективной реальности, за которой нет никакого «иного» трансцендентного измерения и чего-то вроде платоновских «идей». Считается, что эта ре-

альность объективна, герметична и самодостаточна, а потому сами собой отпадают проблемы ангажированности и столкновения социальных интересов и ценностей. Нейтральное и объективное благо для общества уже известно. Подобный язык как бы исчерпывает политическое бытие. После него больше нечего сказать, поскольку все классифицировано и расставлено по своим местам. Возражение ему является бунтом против здравого смысла, против объективной реальности, против самоочевидности. Как утверждает П. Бурдьё, «...универсализация... является универсальной стратегией легитимации... И это нигде так не справедливо, как в чисто политической борьбе за монополию легитимного символического насилия, за право диктовать право, истину, благо и все так называемые универсальные ценности, где ссылка на универсальное, на праведное, является оружием *par excellence*»¹.

Опора на здравый смысл в виде «моральных абсолютов» и «вечных ценностей» была эффективна в условиях традиционных аграрных обществ, в которых отсутствовала борьба классов и конкуренция элит, а соответственно и разных интерпретаций общества, его блага и целей политики². Здесь картины мира и общества статичны, а элита как единственный значимый теоретический субъект познания и источник власти относительно монолитна и

¹ Бурдьё П. За политику морали в политике // Социология политики. М.: Socio-Logos, 1993. С. 322-323.

² Справедливости ради стоит отметить, что идеальный тип традиционного общества легко может стать пропагандистско-идеологической конструкцией, которую сегодня используют теоретики типа «цивилизационистов» и «фундаменталистов», ратующие за сохранение или возрождение «незамутненных» культурных истоков. Да и, наверное, любая власть склонна апеллировать к исторической символике и обычаям традиционных обществ для сохранения легитимного статус-кво в настоящем.

закрыта. Движения внутри нее не угрожают публичным открытием неких скрытых властных механизмов. Социальные изменения в таком обществе столь медленны, что оно вполне может уподобиться неизменно повторяющимся природным циклам.

Здесь политика еще не пришла в «классовое» состояние, оставаясь внутренним делом элиты. Поэтому не было и речи о том, что такое власть, как она функционирует, что такое справедливость. Все эти вопросы были очевидны в пределах здравого смысла, то есть слишком ясны, слишком легальны, чтобы стать проблемой. Истина и власть полностью отождествлялась со своими наличными структурами. Поэтому единственным вопросом о власти мог быть вопрос о том, как сделать функционирование данной власти еще более эффективным. Собственно некому было даже посягнуть на принципиальные ценности традиционного общества.

В традиционном, «доидеологическом» обществе политической теории в современном ее понимании не существовало, так как не было необходимости в теоретической рефлексии и критике здравого смысла, из которого, собственно, и вырастает обществознание как наука. Поскольку любая научная или идеологическая рефлексия начинается с отрицания здравого смысла, данного в виде традиции, обычая, мнения, самоочевидности, «природы», естественно данного и самоочевидного. Господство здравого смысла основано на предотвращении подобных рефлексий, ибо они угрожают культурной гегемонии доминантного смыслового кода. Любые реформы и «удвоения» социального мира (распад единства на идеологические картины мира социальных групп, на профанное и сакральное, систему и жизненный мир, наблюдаемые феномены и то «что на самом деле») рассматриваются как априорное зло, покушение на «истину вещей», заключенную в здравом смысле.

***Контроль условий консенсуса:
доминирующий культурный код***

Здравый смысл или доксическое (относящееся к области мнений) даны как набор самоочевидных тезисов, не требующих обоснования и доказательства. Они выступают в качестве незыблемых критериев, которыми руководствуются законодатели, публичные политики, идеологи и общество в целом. Еще Сократ определял, что докса есть мнение, находящееся между знанием и незнанием¹. Докса воспроизводится прежде всего в формах здравого смысла, общественного мнения, «очевидных вещах», «естественном» и «природном». Традиция, миф, авторитет, обыденный опыт, повседневность обосновывают доксу, и этого вполне достаточно для общества и политики, где нет «принципиально оспариваемых» в рамках публичной политики ценностей и институтов. Политическое поле функционирует в доидеологическом обществе, подчиняясь общим ценностям, правилам, институтам на основании доксы как «отношения непосредственного согласия с миром» (П. Бурдьё).

Здравый смысл тождествен социально-политической аксиоматике. Тому, что не требует пояснений и признано большинством в силу своей очевидности. Эти аксиомы служат фундаментом для развертывания всех социально-политических логик, будь то отрицание аксиом и догм, либо их апология.

Доксическое представляет своего рода «нулевую степень» политики. Докса выступает как набор самоочевидных тезисов, выступающих как объективные критерии, которыми руководствуется общество. Причем политик не может одновременно заниматься самоописанием, то есть собственной объективацией. Эту задачу выполняет обще-

¹ Платон. Менон // Собр. соч. В 4 т. М.: Мысль, 1990. Т. 1. С. 608-611.

ствознание, построенное на рефлексии доксического, то есть буквально на «парадоксах», на том, что противостоит «доксе». Публичные и административные деятели имеют дело с политическим как наличием опыта конкретных проблем, задач, фактов, явлений, безусловной данности, с которой мы сталкиваемся в практике.

Здравый смысл тождествен доксе как мнению. Он утилитарен, всегда следуя по пути наименьшего интеллектуального напряжения и упрощения, свертывания любых альтернатив и вообще любой рефлексии, рождающей двойственность, неоднозначность и вызов статус-кво. Главной ценностью в дискурсе здравого смысла выступает полезность, эффективность – или прагматизм. Другое дело, *что в современных сложносоставных обществах здравый смысл настолько же полезен в обыденной жизни, насколько вреден и разрушителен в «общем деле», в политике, которую он ложно упрощает в абсолютных оппозициях добра-зла.*

Более того, и в современном обществе, где уже никто не питает иллюзий относительно *объективной социальной реальности* интегрального основания всех групп политического общества. Ее эрзацем и выступает здравый смысл, преодолевающий раскол интересов и возможностей людей по идеологическим, классовым, возрастным, этническим и прочим силовым линиям современных «сложносоставных» и «мультикультурных» сообществ, не говоря уже о человечестве в целом.

Понимая утопичность построения новой Вавилонской башни, такие теоретики как Ю. Хабермас¹ и К.-О. Апель², апеллируют к новой универсально-интегрирующей комму-

¹ Хабермас Ю. О прагматическом, этическом и моральном употреблении практического разума // Демократия. Разум. Нравственность. М., 1995. С. 7-33.

² Апель К.-Ю. Априори коммуникативного общества и основание этики // Трансформация философии. М., 2001. С. 263-335.

никативной этике. Этике, построенной на принципах «трансцендентального консенсуса» являющегося: а) базовой политической ценностью и б) условием общественной коммуникации. Но подобный «трансцендентальный консенсус» на практике оборачивается ни чем иным как апелляцией именно к самоочевидности здравого смысла, который представляет собой не более чем доминантный культурный код. Здравый смысл есть гегемония смыслов и ценностей, являющихся продолжением интересов правящего класса. Поэтому здравый смысл представляет эффективное средство господства в области идей и ценностей, способ поддержания монополии на «общепринятые» ценностные и смысловые универсалии современных обществ. Парадоксально, но подобный консервирующий консенсус оказывается тоталитарен и безальтернативен, поскольку публичная политика в качестве условия своего существования подразумевает принципиальный и неразрешимый конфликт идеологий, классов, образов будущего и т.п. Если же изначально все возможные субъекты политики принимают определенный консервирующий тип рациональности, появление принципиальных альтернатив ему снимается уже на уровне политического языка, отрицающего разумность любых социальных перемен.

Более того, политическая рациональность здравого смысла всегда ограничена, а ее деление на целевую и ценностную в духе М. Вебера представляется необоснованным. В политике говорить о рациональности – значит претендовать на всеобщие истины. Рациональность здравого смысла безальтернативна, будь то закон истории, природная необходимость, самоочевидность или экономическая целесообразность. Поэтому И. Валлерстайн обоснованно констатирует: «Называя «политическое» «рациональным», не пытаемся ли мы отодвинуть вопросы сущностной рациональности на второй план по отношению к рациональ-

ности формальной, которые в таком случае станут единственным предметом обсуждения? ... Но для выявления того, что именно является предельно полезным (рациональным), необходимо разработать соответствующую шкалу. Кто ее задает, тот и определяет результат»¹.

Соответственно противостояние здравому смыслу оказывается возможным только в виде «семантической герильи», попытках подрыва доминантного культурного кода легитимирующего статус-кво. Борьба против культурной гегемонии правящего класса ведется в форме парадоксализации здравого смысла. Этот протест направлен на подтачивание устоявшихся «естественнополитических» идей.

И логика борьбы здесь та же, что описана в работах А. Грамши относительно противодействия любой идеологической, культурной, исторической гегемонии, скрывающейся за самоочевидным здравым смыслом². Собственно борьба за изменение гегемонистских кодов, борьба с монополией на здравый смысл является перманентной и нормальной для демократических обществ. Цель такого противостояния – не замена гегемона, иначе ее не стоит и затевать, но размывание (диффузия) доминирующих кодов, попытки найти им достойные альтернативы, производство новых ценностей и смыслов, более точно отражающих социокультурную динамику изменения обществ. «Общественная мораль»³ изначально и не претендует на открытие вечных и

¹ Валлерстайн И. Конец знакомого мира: Социология XXI в. М., 2003. С. 196.

² Грамши А. Партии, государство и общество // Новое время, 1990. № 12.

³ См. о концепции «общественной морали»: Апресян Р.Г. Понятие общественной морали // Вопросы философии, 2006. № 5; Капустин Б.Г. Заметки об «общественной морали» // Вопросы философии, 2006. № 12.

абсолютных нравственных начал в политике, которых в ней быть не может по определению.

Представляется, что в настоящее время привилегией на здравый смысл, на точку отсчета в системе ценностных координат обладает общество потребления и присущий ему капиталистический принцип бесконечного накопления капитала. Однако борьба против культурной гегемонии требует значительных ресурсов и исторической готовности общества к отказу от прежних самоочевидностей в пользу новых. Можно отметить, что только в ситуации серьезного отчуждения населения от ключевых символов статус-кво возможно изменение данного политического порядка. В противном случае нападки на символы воспринимаются как оскорбление самого здравого смысла, попытка дискредитации святых, сакральных истин¹.

Политика здравого смысла основана на отождествлении частных и особенных интересов и ценностей с всеобщими. Например, в ходе капиталистических революций либеральная буржуазия была уверена, что выражает интересы всего общества. Но затем оказалось, что буржуазия, ставшая культурным и классовым гегемоном, уже не склонна учитывать в своей политике интересов других значимых классов и групп капиталистического общества. Отсюда растущее напряжение между ее корпоративными и общенациональными, государственными интересами. Именно по линиям конфликтов интересов новых классов

¹ В качестве актуального примера можно привести символическую революцию, разрушившую изнутри ядро базовых ценностей СССР. Перестройка, гласность и демократизация как раз являлись теми низкоинтенсивными «фоновыми» технологиями, волевыми символически деформировавшими советский базовый миф и соответствующий универсум ценностей здравого смысла. Они подготовили население к делегитимации здравого смысла советского общества и восприятию аргументов его критиков.

стала формироваться принципиально иная политика классово-идеологических картин мира, каждая из которых оспаривает право на здравый смысл и утерянную объективную реальность.

И капитализм, и демократия, и либерализм, и права человека еще 200 лет назад не были самоочевидны, представляя собой лишь радикальный вызов божественному мироустройству монархии, системе сословий, традиционной религиозной морали.

Формирование секулярных национальных государств привело к тому, что политические истины стали автономны от неизменных религиозных догм. Эти истины стали историчны, изменчивы, имманентны самому обществу. Подобная профанизация сделала политику посюсторонним делом, которое осуществляется здесь и сейчас, путем выбора граждан, осмелившихся, как сказал Кант, «стать совершеннолетними» и руководствоваться не традицией и догмами, а собственным разумом¹. То есть опытом и рациональностью, которая в условиях демократии предстает как приоритет гласа божьего в виде количественного мнения большинства, закрепленного легитимирующей его концепцией общественного договора. Но в таком случае разум и рациональность вряд ли могут быть чем-то большим, чем мнение большинства, то есть искомый здравый смысл.

Причем большинство как таковое не имеет монополии на здравый смысл и даже не определяет его содержание. Большинство под влиянием страстей, тотальных манипуляций и сиюминутных настроений часто может отступать от здравого смысла. Но чтобы стать средством легитимации в условиях демократии, здравый смысл, выработанный элитами, должен превратиться в достояние масс.

¹ *Кант И.* Ответ на вопрос, что такое Просвещение // Соч. В 4 т. М., 1993. Т. 1. С. 127.

Это означает лишь то, что они терпят легитимизуемый с помощью здравого смысла социально-политический порядок, считая невозможным его изменить, даже если этот порядок во многом откровенно неприемлем. Поскольку априори естественный статус-кво нельзя изменить, так как это равносильно вызову самому здравому смыслу, а на это способны только ненормальные, сумасшедшие, атеисты и прочие экстремисты.

Здравый смысл современных идеологических обществ трансформируется. Он десакрализован, историчен и изменчив как мнение толпы, похож на интеллектуальный пластилин, материал для лепки картин мира новыми правящими элитами, выбираемой аристократией. Здравых смыслов становится много, каждый получает идеологическое обоснование, что закономерно, поскольку секулярная политика превращается в социальный конструктор «собери сам».

В этом конструкторе все действительное становится зависимым от должного, а настоящее от будущего. Политика подходит к границе, за которой следует перманентное разоблачение самоочевидного как сконструированного в виде «ложного сознания». Первым на это обратил внимание К. Маркс в своей критике «немецкой идеологии»¹. Затем вся политика, в основу которой были положены идеологии и утопии, превратилась в цепочку взаимных разоблачений. Это было бы катастрофично и чревато потерей легитимности любых идей и институтов идеологической политики, если бы капиталистическое общество в отличие от статичных аграрных обществ не отличалось «принципиальной непринципиальностью» (Ф. Анкерсмит)², то есть множественностью по-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Избр. соч. В 9 т. М.: Политиздат, 1985. Т. 2.

² Анкерсмит Ф. Репрезентативная демократия ... // Логос, 2004. № 2.

тенциальных логик здравого смысла и их молниеносной сменой, осуществляемой не поколениями, но от выборов к выборам. По сути перманентная потеря очевидности одних ценностей и переход к другим становится для большинства привычкой. Смена базовых убеждений и институтов теперь может происходить несколько раз на протяжении жизни одного поколения. Достаточно привести пример исторического периода с Октябрьской революции до распада СССР.

***Здравый смысл российской политики:
возможны ли альтернативы?***

Спор идеологий в постсоветской политике быстро закончился, как и поиск объединяющей национальной идеи. Поскольку ни то, ни другое не затрагивало аксиомы здравого смысла общества потребления. Речь лишь о том, как, кому и сколько дозволено потреблять. Здравый смысл советского общества не был принципиально иным, чем в других регионах миросистемы. Оно было оригинальной версией реализации Модерна, представляя собой гибридное общество традиционного и потребительского типа. Но в итоге конфликт системы и жизненного мира оказался разрешенным в пользу второй составляющей, то есть снятия ограничений на потребление, которое в своем непосредственном и отложенном виде является материальным аналогом бесконечного накопления капитала.

В настоящее время общество потребления *принципиально* устраивает все идейные лагеря и социальные группы в сфере своих фундаментальных ценностей, принципов, целей и логики его функционирования. Спорят лишь о второстепенных вопросах – о минимуме и максимуме потребления, о возможностях его перераспределения от одних групп населения, стран и регионов мира к другим. Собственно в этом и заключается присущий обществу потребления дискурс справедливости как дискурс перманентного

передела. И альтернатив ему внутри этого общества быть не может по определению.

В российской политике 2000-х гг. сложился очевидный негласный консенсус относительно здравого смысла, контролируемого Кремлем. Отсутствие в доктрине и выступлениях Президента России Владимира Путина какой-либо явной и целостной идеологии – либеральной, консервативной, левой или патриотической – лишает оппозицию серьезных «зацепок» и возможностей для принципиальной критики и идеологических дебатов по поводу актуального политического режима.

Опора на самоочевидность здравого смысла предполагает сознательную деидеологизацию политики. Перевод ее с уровня соревнования ценностных идеологических альтернатив и разрешения конфликтов интересов социальных групп к модели консенсуса по поводу очевидных вещей, объективной социальной реальности, монополизированной властью. С целями и проблемами, к которым апеллирует Владимир Путин (преодоление демографического коллапса, отстаивание национальных интересов, борьба с коррупцией, лидерство в мировой энергетике, инновационная экономика, рост доходов и т.д.), трудно не согласиться.

Любая речь Владимира Путина напоминает планировку, предельно приземленное «руководство к действию» вертикалей власти всех уровней, и «простого народа». Эта речь предполагает наличие уже достигнутого трансцендентального этического консенсуса всех социальных групп относительно того, «что хорошо, а что плохо» для них и для России.

Поэтому риторика власти сама по себе не может стать полноценной мишенью для политической критики. Принципиальный анализ может иметь место, если проблематизируется само прокрустово ложе здравого смысла, его аксиомы. Однако власть заботится о том, чтобы в политике

не появились влиятельные субъекты оппозиции, которая хотела бы избавить общество от тирании сложившегося «здесь и сейчас» здравого смысла.

Здравый смысл апеллирует к политической массе, в которую превращается общество в условиях навязанного ему трансцендентального политического консенсуса. Он «освобождает» население от необходимости осмыслять идеологические различия политиков и партий, посредством которых и осуществляется политика. Собственно здравый смысл снимает множественность возможных политических проектов действительности, предлагаемых идеологическими концепциями этой действительности. Вместо системной и последовательной иерархии идеологических ценностей предлагается упрощенная эмоциональная логика здравого смысла.

Но сопутствующая ясность и прозрачность политики оказывается обманчивой. Поскольку политическая действительность из монолитно-идеологической становится лоскутной и дискретной. Фрагменты реальностей, историй, идей не «сшиты» между собой. В отсутствии иерархии ценностей, идеологического канона становится возможной любая компиляция. Логика отдельных лоскутов, актуализация их как микромоделей всего «одеяла» как раз и являет собой манипуляционную стратегию управления смысловыми интеракциями.

Здесь политическому режиму не требуется легитимировать себя во всех контекстах (историческом, идеологическом, культурном), так как уже не нужны вечные политические истины, нужна истина на час, на один контекст и в определенной точке политического пространства-времени. Отрезвляющее и рефлексорирующее. Завтра не наступит никогда, поскольку «тирания настоящего времени» (П. Вирильо) имеет дело лишь с «вечным сегодня». А для этого вполне достаточно апелляции к самоочевидности «здесь и сейчас» и апологетики статус-кво.

Здравый смысл в политике представляет доктрину доминирующего субъекта, сведенную до тактического прагматизма. Поскольку политические баталии начинаются только там, где есть разногласия в ценностных суждениях. Поэтому достаточно не доводить содержание публичной политики до подобных альтернатив, до сущностных и этических вопросов, по которым идут ценностные расколы.

Отсюда нацеленность на максимальную деидеологизацию, прерывание любой рефлексии и искусственное снятие ценностных противоречий. Российский президент не призывает ни к мировому торжеству демократии, ни к свободе, ни к справедливости. Он лишь проговаривает *очевидные для всех* истины. Соответственно и критиковать президента, губернатора или мэра можно лишь за то, чего они не говорят, хотя должны были бы. Например, за то, что практическая неизменность прописных истин и проблем, стоящих перед обществом из года в год, является ни чем иным как следствием их неразрешимости в условиях застойного статус-кво.

В условиях демократии «здравого смысла» производится замена системы «принципиальной неопределенности» результатов демократии вполне рациональной опорой на популизм и самоочевидное, на то, с помощью чего озвучивают ожидания и запросы политических масс в целом. Даже если сами массы еще не знают об этих своих предпочтениях и потребностях. Но, не имея заранее выстроенной политической картины мира и иерархии идеологических ценностей, трудно что-то принципиально противопоставить прописным истинам на уровне здравого смысла. Тем более что смысл этот при всей его «здравости» неспроста ускользает от любых ограничивающих определений своих самоочевидных истин, поскольку «источник власти и богатства бюрократического класса (в России) – в контроле за изменением правил, а не в их соблюдении. Стабильность,

которую все на словах поддерживают, опасна для представителей элиты, и потому недостижима»¹. Причем стабильность как правовая и политическая, так и семантическая, должна быть связана со смыслами и значениями ключевых идеологем и понятий.

С другой стороны, здравый смысл не позволяет дифференцировать легальность политики как ее привычность, функциональность, обыденность и легитимность, предполагающую апелляцию к жизненному миру и трансцендентным основам политического режима. Политическая система со всеми ее институтами и практиками обеспечивает себе легитимность лишь с помощью трансцендентного в отношении ее измерения, внешнего, как жизненный мир, обеспечивает легитимность системы. Таким образом, власть как законное насилие должна иметь внешнюю, трансцендентную цель и субъекта, которая бы ее легитимировала. Это могут быть Бог, Прогресс, Интерес прогрессивного класса, Традиция, Природа и т.д.

Технологическая опора власти на здравый смысл приводит к переворачиванию принципа: трансценденция основ власти заменяется тотальным контролем над профанным и земным, превращает любые ценности в технологические средства. Здравый смысл – уже не способ доказательства идеологических истин, он нацелен на результат «здесь и сейчас». Но тотальный контроль за содержанием политики на самом деле ограничивает и потому подрывает политическую онтологию любого гегемона. Причина в том, что этот гегемон лишается моральных оснований на применение легитимного насилия, как только общество в результате социальных изменений выходит за рамки исторически исчерпанного статус-кво. Когда достижение новых

¹ *Иноземцев В.Л.* Вверх по лестнице, ведущей вниз // Свободная мысль, 2007. № 2. С. 55.

трансцендентных общественных целей переигрывает легитимность любых мер, направленных на восстановление былого тождества и отмену каких-либо социальных изменений, автоматически дискредитирующих здравый смысл.

Поэтому основная задача стратегии здравого смысла – не допустить перерастания «малой политики» как профессионального занятия элит по сохранению и обеспечению незыблемости статус-кво в «большую политику», в которой участвует все общество. Для этого элита в обществе потребления легитимируется через провоцирование субъектности масс. Но субъектность «импловивных масс» лишь «обозначается» в публичном пространстве масс-медиа, опросах общественного мнения, процедурах выборов и прочих политических «литургий», поскольку реальное «политическое творчество» масс утопично и не управляемо, а результаты инициированных таким способом революционных социальных изменений непредсказуемы.

Здравый смысл как технология стагнации статус-кво

Что такое государство, закон, власть, общество как не символы веры, то, чего нет в реальности? Самолегитимирующиеся основания любого политического режима символичны. Но когда эти символы попадают под вопрос, возникает проблема легитимности политики, выходов элит на собственное научно-теоретическое осмысление. При этом очевидно, что попытка власти размышлять о политике «встав над политикой», над частными противоречиями в угоду консенсусу обречена либо на попытку решать проблемы реальной политики неполитическими средствами (это означает конец политики), либо приписывание реальной политике по аналогии логики других сфер человеческой деятельности – экономики, морали, биологии... Кроме того, консенсус как цель политики является извечной стра-

тегией властвующей элиты, стремящейся перевести условия, средства и формы этого консенсуса в перспективу своих интересов, где она единолично определяет законы реальной политики и границы политически допустимого/недопустимого, рационального/неразумного, справедливого/несправедливого.

Условием выхода из замкнутого круга здравого смысла является прерывание самоописания общества с помощью подобного кода. Прерывания, одновременно предполагающего а) выступление против доминирующего культурного кода и б) против тех, кто в нем заинтересован. Это предложение другого языка политики, парадоксализирующего имеющийся идеологический аппарат. Парадоксальный язык политики, противостоящий здравому смыслу, связан с принципом утопии, с интересами восходящего субъекта власти и взрывом сложившегося порядка вещей, который политическая докса привыкла воспринимать как «естественный»¹. Этот язык рефлексии и подозрения открывает в самоочевидности «второе дно», «проклятую сторону вещей», когда вдруг становится ясным, что «общепризнанные» ценности являются функциями чьих-то политических интересов.

Очевидна навязчивость и в то же время незаменяемость здравого смысла и прагматизма. Они все увереннее

¹ Здесь представляется оправданным обращение к любопытному опыту дзен-буддизма. В интеллектуальной традиции дзен-буддизма передача знаний и предельного опыта осуществляется через парадоксы, ломающие привычную логику здравого смысла и представленные традицией коанов – описанием случаев и ситуаций, разрешить которые можно только путем преодоления повседневных стереотипов мышления. Предельно символизированные коаны-загадки имеют множество возможных решений, но никогда окончательного, единственно правильного. См. подр.: Уотс А.В. Путь дзен. Киев, 1993; Мумонкан. Застава без ворот. Сорок восемь классических коанов дзен с комментариями Р.Х. Блайса. СПб., 2000; и др.

выступают как интеллектуальные эрзацы дискредитированных и профанизированных идеологий и утопий, претендовавших на целостность и универсальность определенного мировоззрения. Хотя в свое время сами идеологии и утопии явились в мир не более чем светскими религиями, в настоящее время они теснимы еще более профанными и фрагментирующими дискурсами общества потребления. Прилипчивый термин, употребляемый везде и неопределенный по объему своих значений, «дискурс» стал паллиативом былых философских систем и идеологий. Дискурс образовался как временная заплатка на «черной дыре» в общественном знании в силу слабости всех вчерашних концепций. Впрочем, такими заплатками в свое время были и идеологии: временными паллиативными мерами, имеющими все шансы стать долгосрочными явлениями.

Дискурс здравого смысла слаб в том, что человек всегда хочет стать чем-то большим, чем он есть, приобщиться к какой-то вневременной трансцендентной структуре, выходящей за пределы обыденности. Дискурс здравого смысла не может обеспечить чувства принадлежности к чему-то большему, к бессмертию. Иллюзию трансцендентности. И общество потребления со всеми его посюсторонними радостями оказывается бессильно, когда задается подобный вопрос. А он неизбежно будет задан любым мыслящим субъектом.

Соответственно противоядием от сакраментального вывода «король (здравый смысл) – голый» является лишь торможение попыток рефлексии. Или отсылка политики в качестве своего основания к доксе, традиции, авторитетам, опыту, мнению большинства, принципу самоочевидности как тому непротиворечивому основанию, которое не нуждается в доказательстве. Код власти осуществляет здесь изначальную гегемонию над кодом знания.

Поскольку язык, опирающийся на концепт естественности, тезис «все действительное разумно» (Гегель) и лишь *отражающий* окружающий мир, является по своей природе властным языком. Он не может выйти за рамки естественного, то есть властного порядка вещей, поскольку вне этих рамок он становится немым. Признать возможность «другого порядка вещей», альтернатив, парадоксальность истины (не всегда тождественной очевидному) – значит добровольно отказаться от власти, обнаружить свое «политическое бессознательное».

Возникает закономерный протест: почему, собственно, прелюдией к началу общественной мысли служит принятие всего «таким, какое оно есть»? Почему в основу политической реальности кладется докса как мнение большинства и здравый смысл, которые фактически, не будучи критериями научных истин, становятся их априорными условиями и основаниями.

Здравый смысл – нулевая степень политики

Здравый смысл нацелен исключительно на сохранение статус-кво. Политика в пределах здравого смысла – это нулевая степень политики, которая начинает выступать чем-то вроде практического приложения к морали и мировоззрению господствующих элит. Эта политика как система действия не связана с необходимостью каких-либо рефлексий, поскольку ценностные аксиомы заданы и пересмотру не подлежат. Здесь политический субъект неспособен к самоосмыслению, будучи связан с политическим (доксическим) общественным мнением, здравым смыслом и разного рода самоочевидностями. В такой политике ее субъекты не способны на что-то большее, чем клонированное воспроизводство, отражение и повторение *уже имеющегося*.

Но, казалось бы, риторика здравого смысла – обоюдоострое оружие, так как он становится на сторону любой

силы, в том числе и силы перемен, если эта сила превосходит ресурсы, поддерживающие старый порядок. В этом то и парадоксальность здравого смысла – орудия власти, которое может изменить ей в любой момент, несмотря на кажущуюся надежность. И все же представляется, что такая логика рассуждения ошибочна, так как здравый смысл в силу своей дискретности не способен поддержать силу перемен. Он может стать только на сторону *уже победившего*, когда апостериори необходимо оформить новое господство и задним числом утвердить его историческую необходимость и закономерность. Но охранительный здравый смысл никогда не будет на стороне будущего (потенциального, вероятностного) победителя, поскольку его победа является парадоксальным вызовом общественному статус-кво, взрывом всего предшествующего здравого смысла.

Получается, что *здравый смысл скорее от дьявола, чем от бога. От пути наименьшего сопротивления. Самоочевидный здравый смысл противоположен по своей сути неопределенности свободной воли и осознанному моральному выбору*. Поэтому в дискурсе «земной власти» он выигрывает во все времена. Такова логика Инквизитора, обращающегося к Христу в «Легенде о Великом Инквизиторе», Ф. Достоевского: «Ты возжелал свободной любви человека, чтобы свободно пошел он за тобою, прельщенный и плененный тобою. Вместо твердого древнего закона, – свободным сердцем должен был человек решать впредь сам, что добро и что зло, имея лишь в руководстве твой образ пред собою, – но неужели ты не подумал, что он отвергнет же наконец и оспорит даже и твой образ и твою правду, если его угнетут таким страшным бременем, как свобода выбора? Они воскликнут наконец, что правда не в тебе, ибо невозможно было оставить их в смятении и мучении более, чем сделал ты, оставив им столько забот и неразрешимых задач. Таким обра-

зом, сам ты и положил основание к разрушению своего же царства и не вини никого в этом более. А между тем, то ли предлагалось тебе? Есть три силы, единственные три силы на земле, могущие навеки победить и пленить совесть этих слабосильных бунтовщиков, для их счастья, – эти силы: чудо, тайна и авторитет. Ты отверг и то и другое и третье и сам подал пример тому... Мы исправили подвиг твой и основали его на чуде, тайне и авторитете»¹.

В классово-идеологическом обществе Модерна апелляция к здравому смыслу наивна как проявление ложного, до-политического сознания, как конформистской и лишённой рефлексии установки на поклонение авторитетам, чуду и тайне. В основе политики эпохи утопий и идеологий (которую можно условно датировать периодом доминирования либерального консенсуса 1789–1991 гг.) лежит изначальный конфликт осознанных национальных и классовых интересов, иерархий политических ценностей и картин мира. А множественность политических миров тождественна их релятивности. Консенсус как основа здравого смысла является лишь результирующим компромиссом, а не истинной, тем более объективной. Здравый смысл здесь может быть только результатом политики как унификации социальных универсалий и смыслов, но не ее условием.

Возрождение стратегий контроля здравого смысла происходит «после Модерна» в обществе потребления. Особенно когда из пост-биполярной политики исчезают идеологически значимые внутренние и внешние «Другие», общество индивидуализируется, а классовые противоречия вытесняются из политики тестами на идентичность здравому смыслу. Пост-идеологическая политика легко инкорпорирует любые неподчинения и отличия. Этот дискурс аие-

¹ Достоевский Ф. Братья Карамазовы. В 2 т. М.: ТОО «Можайск-Терра», 1995. Т. 1. С. 500-501, 504.

рархичен, терпим, способен воспроизвести любые идеи, ему присущи мультикультурализм и мультинормативизм. Здравый смысл устанавливается как мера и критерий реальности. То, чего он не приемлет, не существует, является иллюзией. Его девиз: «Нет мира вне здравого смысла». Ведь не может же быть по определению иного смысла, кроме здравого, обобщаемого в житейский опыт, привычку, ритуал, рассудок, в общественное мнение и т.п. Здравый смысл – это последняя реальность, эрзац ссылки на Бога. Спорить с ним бесполезно, можно лишь принимать или отрицать. Но такой способ легитимации всегда несет в себе ностальгию по чему-то большему, по тому, что выходит за пределы повседневности и земной логики инквизитора в приведенной выше цитате.

Субъекты, отказывающиеся от логики здравого смысла, объявляются нарушителями правил и законов, что само по себе является оправданием для применения к ним санкций и наказания. Тот, кто противопоставляет себя здравому смыслу – теряет легитимность и в идеях, и в действиях. Ведь это шаткая опора – опираться на то, чего нет. С другой стороны, в этом и выгоды подобной «игры не по правилам», связанной с отказом от навязанных правил, законов, рамок... Это возможность исходить не из предпонятого, не из того, что все в мире уже познано, разложено по полочкам и классифицировано. Поскольку любое предпонимание содержит в себе элемент «навязанности», предписания, отказа от субъектности.

Здравый смысл нацелен на отмену любой возможной рефлексии статус-кво, ориентируя энергию масс на действие в соответствии с некими самоочевидными задачами, планами и проблемами, поскольку любая рефлексия критична и уже тем опасна.

Вызов системе, фундированной здравым смыслом, может быть только парадоксальным: не требование свободы,

потому что и так все давно освобождены из-под диктата привилегированной нормы и иерархий ценностей, а отказ от такой свободы является реальной критикой. Выходом из predetermined вариантов выбора на то, что эти правила устанавливает: «Нечто не всегда есть то, что оно есть».

Подобный вызов предполагает отказ и от метафизического априоризма в духе И. Канта, и от априоризма здравого смысла как трансцендентального консенсуса, сводимого к неочевидной истине в виде апологии статус-кво. То, что мы должны делать в политике не может зависеть от вечных метафизических истин, от традиции, истории, рационального определенного толка или здравого смысла. Собственно политическое начинается именно с постановки высших принципов и аксиом здравого смысла под вопрос, с отказа быть их практическим приложением. Политическая мысль принадлежит сама себе только когда превращается в заботу о том, чего еще нет, – о будущем, исходя из «выстраданных» и отрефлексированных устремлений и максим субъектов, которые в исторической перспективе могут стать более справедливыми и универсальными принципами политики, чем имеющиеся.

Проблема выхода за границы политики, основанной на симуляции здравого смысла, связана с ответом на вопрос – как возможны социальные изменения? Здравый смысл как апология настоящего в виде «лучшего из миров» не предполагает самой возможности социально-политических изменений: он не располагает возможностями ни осмыслить их, ни объяснить, ни инициировать до тех пор, пока они не перестанут быть изменениями и не станут частью доминантного кода реальности. В одномерном профанизованном мире, в обществе потребления, за которым ничего нет – никаких платоновских идей или бога. Истина этого общества в том, что нет никаких скрытых, сакральных истин, побуждающих к совершенствованию. План должного тождествен плану сущего. В результате истиной может быть только окружающий профан-

ный мир, статус-кво принципиально не нуждающееся в каких-либо переменах, поскольку лучше чем сейчас быть не может. Статус-кво «здесь и сейчас» оборачивается единственной, а в силу этого безальтернативной реальностью, не имеющей пропусков за свои герметизирующие пределы.

Легитимировать принципиальные изменения обществ, с одной стороны, может моральное неприятие настоящего, связанное с обнаружением того факта, что его базовые ценности являются продолжением чьих-то неуниверсальных интересов и дискриминацией других, с другой – образы будущего, новые утопии, предлагающие принципы более успешной интеграции социальных интересов общества выгодные для всех заинтересованных субъектов политики в долгосрочной перспективе.

Наконец, соревнование свободных волей политических субъектов предполагает в политике определенную степень насилия в борьбе интересов, даже если она происходит в рамках формальных институтов. Осуществление свободы неотделимо от насилия, так как почти любое действие свободных политических субъектов по реализации своей воли может быть рассмотрено оппонентами как насилие навязываемой им воли. Но это вовсе не худший вариант по сравнению со здравым смыслом, упраздняющим свободу выбора, но не насилие, остающееся таковым, даже если оно облечено в форму права. Вообще любимая апелляция адептов здравого смысла к действующему праву (а тем более обоснование их тождества) в области политики не имеет смысла. Реальная политика – это «будущее право», поэтому консервативный код действующего права не является императивом для тех акратических (вне-властных) субъектов политики, которые исходят из того, что может или должно быть, а не есть «здесь и сейчас».